

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ А.И.ОСТУДИНА В ДИАЛОГЕ С А.С.ПУШКИНЫМ

Зайнуллина Г. И., кандидат искусствоведения

INTERTEXTUAL STRATEGY OF A.I.OSTUDIN IN DIALOGUE WITH A.S.PUSHKIN

Zainullina G. I.

Остудин и Пушкин. Казалось бы, невероятное сопоставление. По мнению Л. М. Мышковой, поэтике А. С. Пушкина свойственны «ясность и доступность, ... логичность и наполненность ее мыслью; точность и последовательность в развитии поэтической темы, строгая мотивированность каждой частности; крепкая спаянность и уравновешенность всех элементов ее, простота и разговорность»¹. А поэзия Остудина, напротив, являет собой «винегрет из сравнений и эпитетов, рассчитанных на работу подсознания», и дает «весьма слабый намек на конкретный смысл/идею»².

Тем не менее рядоположенность «Пушкин – Остудин» имеет основания. Потому что последний, как все современные авторы, интертекстуален, то есть ведет интенсивный, где-то осознанный, где-то не осознанный диалог с классиками XIX в., по преимуществу с Александром Сергеевичем. Тем самым подтверждая закономерность, подмеченную А. Смолиным: «Призрак “бронзового гостя” в виде опекушинского Пушкина, ой, как многих

стихотворцев посещал в сладостных или кошмарных сновидениях...»³. В случае с Остудиным эти «посещения» участились во второй половине творческого пути – когда подошла пора итожить то, что прожил и насочинял.

Так, в сборнике «Бой с тенью» (2004), где представлены ранние стихи Остудина, насчитывается 6 отсылок к А. Пушкину, а в сборнике «Нищенка на торте» (2021), содержащем стихи последних лет, уже 14 – почти в два раза больше.

Разумеется, в рассматриваемых сборниках немало интертекстуальных приветов и другим поэтам всех времен и народов, но в основном все же русским классикам XIX в. и советской эпохи – М. Лермонтову, А. Плещееву, Ф. Тютчеву, Н. Гоголю; Ю. Мориц, В. Маяковскому, Б. Пастернаку, Н. Заболоцкому, О. Берггольц. Не остаются без внимания и поэты-современники – В. Кальпиди, Ф. Чечик, М. Аузиньш, И. Шепета, М. Гофайзен, А. Улзытуев, А. Кабанов, В. Месяц, И. Абдуллин. Каждого из перечисленных Остудин удостаивает не более чем двумя

отсылками, а «солнце русской поэзии» – двадцатью.

Поэтому целесообразно рассмотреть индивидуальную поэтику интертекстуальности А. Остудина на примерах тех текстов, где-либо упоминается А. Пушкин, либо обыгрываются строки из его произведений.

Определимся с термином «интертекстуальность» – это «понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего»⁴. Данное определение связано с «пониманием интертекстуальности в широком смысле». Понятие «интертекстуальность» употребляется и в узком смысле, в случае если «цитирующий без кавычек» автор намеренно ссылается на предшественников, обогащая тем самым план содержания и рассчитывая на пронизательного, активного читателя⁵.

С учетом стратегии интертекстуальности в узком смысле, поэты, по мнению Е. Зинуровой, подразделяются на условно консерваторов – тех, кто смотрят на классиков «снизу-вверх, восторгаясь и ностальгируя», и условно новаторов – которые «не соглашаются, насмешничают и даже в чем-то обвиняют великих»⁶. У первых строка, содержащая заимствование, является точкой опоры, отсчета для стихотворения, и именно она воплощает основной смысл произведения; в таком стихотворении, дешифровав первоисточник, читатель легко определяет авторскую позицию. У вторых интертекстуальность сводится к попытке автора

переосмыслить тему из прошлого, представить прецедентный текст как штамп, общеизвестную истину: автор противопоставляет опорный текст своему, показывая, как устарели сейчас ценности, герои и мысли ушедших времен.

Остудин явно относится ко второй группе «усмехающихся» и «противопоставляющих», взять его стихотворение «Корабль современности», которое начинается со строк: *Не столько нас пугает вед длина, / а то, что мало в ведах проку,* – а завершается следующим образом:

*А может, не такие лоси мы,
и нет уже бананов в ушки нам,
припомним всех,
которых сбросили,
пока вылавливали Пушкина*⁷.

Здесь Остудин деканонизирует «Наше-все» как академический памятник, сотворенный в интересах государственной пропаганды и отбросивший тень забвения на других достойных поэтов.

Однако данная стратегия интертекстуальности вовсе не свидетельствует о принадлежности Остудина к «новаторам». Да, он осознанно выбирает фамильярную, бесцеремонную манеру по отношению к А. Пушкину, пишет или снисходительно, или язвительно. Например, в стихотворении «Диета»:

*заплывая в правильную снедь,
гнутя мельхиоровые ложки,
чтобы от тоски не околеть,
мне – пивка, а Пушкину –
морошки*⁸.

Но при этом «техническая» основа стихосложения Остудина чисто классическая – «размер и ритм че-

канно и стройно встают во фронт, всегда способствуя удобству прочтения и адекватной читательской оценке»⁹.

Таким образом, его новаторство заключается лишь в предельном сгущении интертекстуальных приемов: «Все полотно стиха пестрит отсылками, создающими радужный флер, кружащий голову не вполне внятными, но очень яркими цепями ассоциаций и бурлением бессознательного»¹⁰. В поэтический замес, благодаря культурному кругозору автора, его насмотренности и слышимости, идет все: исторические и мифологические символы, литературная классика, крылатые фразы из советских кинофильмов, народные поговорки и пословицы, интернет-мемы. Таким образом, осознанная гиперинтертекстуальность является основой игровой поэтики Остудина.

Одним из его любимых приемов является выворачивание наизнанку образов прецедентного текста. Например, в стихотворении «Опять насочинял какой-то гой...» пародийно переиначиваются образы отрывка из поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила»:

*у Лукоморья дуб ни в зуб ногой,
русалка на ветвях
пропахла килькой!*

*Камыш в пруду
как взвод богатырей,
забывших плавки,
не спешит на сушу.*

*Стоит изба без окон и дверей –
собачья конура на ножках Буша
Нет окончания сказки до сих пор.
Давно смежил глаза
ревнивый гений*

*Но что-то лепо бляшет Черномор!
И змей-горыныч ботает по фене!*¹¹

Комический эффект создается введением просторечия «ни в зуб ногой», жаргонизма «ботает по фене» и современной атрибутики – «плавки», «ножки Буша». Однако стихотворение неожиданно кончается на патриотической ноте с использованием реминисценции с нейтральной стилистической окраской – на «Сказку о рыбаке и рыбке»:

*и я сюда когда-нибудь вернусь,
где брошена детьми
и мужем бита,
на побережье Крыма чахнет Русь
старухой у разбитого корыта!*¹².

Какое приращение смысла происходит за счет резонанса, возникающего у читателя при соотношении текстов: двух прецедентных (А. Пушкина) и нового (А. Остудина)? Получается, неологизм «Крым-наш», возникший весной 2014 г. в контексте общественно-политической дискуссии вокруг присоединения Крыма к Российской Федерации, находится в том же ряду слов, чья наполненность субъективным, личностным смыслом дискредитирована. Да, концепт «Русь» так же смешон, как «конура на ножках Буша» и русалка, пропахшая килькой, потому как образной конкретизацией его наполнил «ревнивый гений», давно смеживший глаза.

Рассмотрим другое, более внятное по смыслу, стихотворение «На стеклах вырос лук порей», которое предваряется эпиграфом «Малыш уж отморозил пальчик...» (в поэме «Евгений Онегин» – «Шалун уж заморозил пальчик»¹³). Как известно,

эпиграф является маркером посвящения и кодом, расширяющим смысловое поле поэтического произведения, позволяя увидеть в новом тексте лексические и ритмико-интонационные цитаты.

Действительно, поначалу Остудин следует за Пушкиным и рисует образ «пацана» XXI в. без игровой перелицовки дворового мальчика пушкинской поры:

*Перевязав шарфом лицо –
В занозах розовых мороза,
Бежит пацан стежками Морзе,
Катая снежное яйцо¹⁴.*

Однако в финале Остудин все же осуществляет смысловую инверсию:

*Вот – вдохновение! Оно
дарует малышу свободу –
ему больше с каждым годом,
и некому грозить в окно...¹⁵*

Остудинский «пацан» представит в потенции своего драматического развития, недаром он катает яйцо; внутри него, в зародыше, живет дерзкий юноша, над которым не властна мать (у Пушкина – «Ему и больно и смешно, / А мать грозит ему в окно...»¹⁶).

Похоже, Остудин в диалоге с классиком хочет показать, насколько он глубже и виртуознее Пушкина. И впрямь, у того незатейливое «Снег выпал только в январе...»¹⁷, а у Остудина в первой строфе рассматриваемого стихотворения каскад ошеломительных метафор: «Как терпят липы без перчаток / озябший уголь снегорей?»¹⁸.

Другой излюбленный прием интертекстуальности Остудина – внедрение в реминисценции омофонного элемента, меняющего смысл

прецедентной строки. Пример из стихотворения «Ностальгия»:

*Великую империю поправ –
в развале поучаствовал невольню –
по полной оторвался, как рукав,
а счастья нет –
но есть покой и «volvo»¹⁹.*

У Пушкина – «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

В финале Остудин опять-таки снижает романтическую приподнятость прецедентного текста – стихотворения «Пора, мой друг, пора...». Если Пушкин мечтает о побеге «В обитель дальнюю трудов и чистых нег»²⁰, то Остудина «отчизны необъятные просторы» притягивают возможностью реализовать мужскую полигамность:

*где столько женских тел с
осками вверх,
что постоянно тянет
в эти горы²¹.*

Внедрение омофонного элемента в хрестоматийную строку «Пока свободою горим» содержится в стихотворении «Иду на выкл»:

*Друзья, пока свободою пылим
по чердакам, есть повод
для насмешки...²²*

В «Иду на выкл» описывается пустое времяпровождение, заппинг – практика быстрого переключения каналов телевизора на дистанционном пульте, без определенной цели. Между тем у Пушкина в стихотворении «К Чаадаеву» речь идет о служении отчизне и прекрасных порывах души²³. Остудин же, используя иронию и низводя отсылку до каламбура, ставит под сомнение гражданский пафос Пушкина. Однако в любом случае реминисценция

углубляет стихотворение «Иду на выкл», его можно воспринять и как приговор бессмысленному зомбоящику.

Иногда реминисценция в стихах Остудина представляет собой урезанную кальку (с сохранением размера) с широко всем известной первой строки, например, пушкинского «Зимнего утра»:

*Мороз и солнце – день опять
произан веселящим газом!*²⁴

Далее, в строках первой строфы, Остудин резко восстает против следования образцу пейзажной лирики и рисует бытовую физиологическую картинку:

*С похмелья хочется летать,
а не торчать над унитазом!*²⁵

Во второй строфе он вновь возвращается к трепетной радости созерцания русской зимы прецедентного текста: «свист, как сосулька изо рта», в воздухе сладость, горечь и «сухая кислота мороза». В третьей завершающей строфе Остудин применяет свой коронный прием – каскад разящих воображение метафор и ярких, почти физически осязаемых сравнений:

*Как шейный остеохондроз,
Стоит тупая боль берез.
И, белоглазы, вдалеке,
дома, как рыбы в кипятке!*²⁶

Тем не менее картина получается статичная и мертвенная – в противовес стремительной динамике жизнеутверждающего «Зимнего утра». Остудин словно желает умерить пыл классика: воспевай зиму, да знай меру – биоклиматическая недостаточность России не укладывается в привычно-банальные формы ро-

мантической поэзии. Наверное, поэтому «Мороз и солнце...» Остудина намного короче «Зимнего утра»: три строфы против пушкинских пяти шестистиший.

Другой распространенный интертекстуальный прием в современной поэзии основывается на использовании имен авторов или названий, написанных ими произведений²⁷. К уже имеющимся примерам упоминания имени Пушкина добавим еще один, из стихотворения «Дым и рым»:

*пока луна не выгнулась дугой,
уснешь в избе,
вдали от глаз недобрых,
не разобрав, чей почерк
над трубой –
шифровка или Пушкина
автограф!*²⁸

А вот названий написанных Пушкиным произведений в стихах Остудина (во всяком случае в двух рассматриваемых сборниках) нет. Разве что счесть таковым стихотворение «Поророка» – о гигантской 4-х метровой приливной волне, берущей начало в нижнем течении Амазонки.

*Пусть в общем потоке,
где око за око,
тебе одиноко,
нет в тине пророка...*²⁹

В «Поророке» нет шестикрылых серафимов, мрачных пустынь, сжигающих сердца глаголов и прочей высокопарной архаики; «просто, не томим духовной жаждой, / вижу свет, и следую за ним»³⁰, – полемизирует с «Пророком» Пушкина Остудин в другом стихотворении – «Мимикрия».

Показательно, что у Остудина нет ни одного стихотворения с посвяще-

нием А. Пушкину. Впрочем, другим классикам тоже. Он не скупится на посвящения лишь поэтам-современникам – В. Месяцу, А. Кабанову, И. Абдуллину, М. Гофайзену, А. Улзытуеву, В. Кальпиди, И. Шепете. Это со стороны Остудина отнюдь не демонстрация причастности к определенной поэтической группе, а манифестация дружеских взаимоотношений с близкими по мироощущению поэтами – благополучными и «счастливыми по умолчанию».

Но даже среди них Остудина выделяет его «божественный эгоизм»³¹ – а это, между прочим, по мнению П. Вайля и А. Гениса, характеристическая черта Пушкина; так же, как Александр Сергеевич, Остудин «совершенно чужд жизнеучительству»³², более интересуюсь своей жизнью, а не чужой. У него в стихах «всегда оптимистичный взгляд на мир. Удивительно жизнеутверждающий везде и всегда позитивный настрой, игривый, радостный, летучий – и ты заражаешься этим жизнелюбием»³³.

Сведения об авторе: Зайнуллина Галина Инисовна, кандидат искусствоведения, литературный консультант секции русскоязычной литературы и художественного перевода Союза писателей Республики Татарстан, e-mail: sara_g@inbox.ru.

Аннотация. В статье анализируется поэтика интертекстуальности российского поэта А. Остудина в контексте творчества и биографии А. Пушкина. В диалоге с классиком литературы XIX в. Остудин использует интертекстуальные приемы для конфронтации – деканонизирует строки хрестоматийных произведений, представляя их как штамп, общеизвестную истину, тем самым обогащая план содержания собственных стихов.

Ключевые слова: А. Остудин, А. Пушкин, интертекстуальность, реминисценция, прецедентный текст.

Abstract. The article analyzes the poetics of intertextuality of the Russian poet A. Ostudin in the context of creativity and biography of A. Pushkin. In a dialogue with a classic of nineteenth century Ostudin uses intertextual techniques for confrontation – decanonizes the lines of textbook works, presenting them as a stamp, a well-known truth, thereby enriching the content plan of his own poems.

Key words: A. Ostudin, A. Pushkin, intertextuality, reminiscence, precedent text.

Возможно, Остудин потому так заиклен в своем творчестве на Пушкине, что биографический миф Александра Сергеевича является для него одной из форм опознания себя в общечеловеческой истории духа. И чем больше он видит сходства с гением Золотого века русской словесности, тем более плотные интертекстуальные связи образует с его наследием и тем яростнее использует конфронтацию в диалогических отношениях между своими и его текстами.

Если читатель возьмет на вооружение сентенцию А. И. Остудина «Филологизм отнюдь не рафинад»³⁴ и самостоятельно разберет его стихи, содержащие реминисценции к произведениям Пушкина «Зимний вечер», «Полтавский бой», «Песнь о вещем Олеге», то увидит, что интертекстуальные приемы привносят в поэзию Остудина многослойность и даже многосложность – за кажущимся образным сумбуром проглянет пища для раздумий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Мышковская Л. М. О поэтике Пушкина. Изобразительные средства. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Hm6oNYfA7wA%3D&tabid=10358> (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 2 Борисов Р. Укротитель слова. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.ruspole.info/ruzhi_podshivka/2021 (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 3 Смолин А. Эссе. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://www.rospisatel.ru/smolin-karatajev.htm> (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 4 Постмодернизм. Энциклопедия.– Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001.– С. 333.
- 5 От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.– М.: Прогресс, 1989.– С. 218.
- 6 Зинурова Е. С. Интертекстуальность в российской поэзии рубежа XX–XXI веков // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.– 2017.– Т. 22.– С. 264.
- 7 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021.– С. 34.
- 8 Там же.
- 9 Борисов Р. Укротитель слова. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.ruspole.info/ruzhi_podshivka/2021 (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 10 Там же.
- 11 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 60.
- 12 Там же.
- 13 Пушкин А. С. Драматические произведения. Романы. Повести.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 106.
- 14 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 49.
- 15 Там же.
- 16 Пушкин А. С. Драматические произведения. Романы. Повести.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 106.
- 17 Там же.
- 18 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 49.
- 19 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021.– С. 16.
- 20 Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 349.
- 21 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2021.– С. 16.
- 22 Там же.– С. 214.
- 23 Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки.– М.: Худ. лит-ра, 1977.– С. 127.
- 24 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 40.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Зинурова Е. С. Интертекстуальность в российской поэзии рубежа XX–XXI веков // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.– 2017.– Т. 22.– С. 259.
- 28 Остудин А. И. Нищенка на торте.– М.: Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021.– С. 94.
- 29 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 69.
- 30 Там же.– С. 68.
- 31 Вайль П., Генис А. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности.– М.: КоЛибри, 2011.– С. 46.
- 32 Там же.
- 33 Борисов Р. Укротитель слова. [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.ruspole.info/ruzhi_podshivka/2021 (дата обращения: 05.12.2021 г.).
- 34 Остудин А. И. Бой с тенью.– Харьков: Крон, 2004.– С. 79.